

детектив – событие

Евгения Михайлова

ОТПУЩЕНИЕ БЕЗ ГРЕХОВ

Детектив-событие

Евгения Михайлова
Отпущение без грехов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Отпущение без грехов / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-событие)

Настя и Таня были очень разными, но все равно оказались лучшими подругами, пока между ними не встал общий сценарий, написанный по личным мотивам каждой из них... Антонина была очень неприятным человеком, и когда она попала в самую настоящую беду, к ней на помощь пришла лишь случайная знакомая Надя, и то ради ее собаки... Катю предали, обвинили в чудовищном преступлении, и только маленький ребенок, избалованный мальчик Петя, знает правду... Как выжить в мире, где творятся ужасные вещи, поселилась подлость и несправедливость, как остаться хорошим человеком и не потерять себя? Об этом остросюжетные рассказы Евгении Михайловой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Соавтор	6
Дурочка	18
Сиделка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгения Михайлова

Отпущение без грехов. [сборник рассказов]

© Михайлова Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Все персонажи и события вымышленные.
Совпадения с реальными фактами случайны...*

Соавтор

Двух, в такой степени разных, даже противоположных во всех проявлениях людей странно даже видеть рядом. Понять их дружбу просто невозможно. Но это произошло. Настя Волошина, автор и ведущая передачи «Взрослым о детях», и Татьяна Сизова, менеджер редакции по привлечению рекламы, вдруг стали подругами.

Лицо Насти как следует можно было рассмотреть только на экране. Нежное, с очень большими глазами, с прозрачной кожей, робкой улыбкой скромницы и отличницы, это лицо в какой-то момент зажигалось от точного и страстного слова, от несгибаемой мысли, от позиции бойца, для которого победа важнее жизни.

Настя боролась за права детей. Это было ее миссией, профессией, ее досугом и хобби. Все остальное имело для нее подчиненное и условное значение. Выходя из кадра, из студии, она сразу старалась стать незаметной, невидимой. Смывала грим, стягивала волосы резинкой на затылке, закрывала огромными очками глаза и половину лица. Она была близорука, ее роговица и тонкая кожа страдали от света софитов. Ее слух резали громкие звуки, ей мешали работать смех и пустая болтовня. Ее маленькую, стройную фигурку редко видели в коридоре, в буфет Настя забегала буквально на минуты. А в своем крошечном кабинете она сидела допоздна. Собирала материал, выстраивала линии расследования, шла по следу тех, кого записывала в стан врагов детства, покоя, безмятежности и свободы. Все знали, что отрывать ее от работы бесполезно. Она не тратила время на обычные разговоры даже ради общения. Настя никогда не делала вид, что ей что-то интересно, если это было не так.

Таня Сизова появлялась в коридорах редакции сразу, как яркое полуденное солнце. В разных местах звучал ее звонкий, мелодичный, радостный голос, переливался ее неповторимый смех. Любой, кто встречал Таню, не сомневался в том, что именно с ним она и хотела поговорить, поделиться всем тем ворохом новостей, которые привозила из разных мест вместе с рекламой.

Таня была приятна всем. Ее блестящие карие глаза сияли на круглом лице с ярким, как будто нарисованным румянцем. Губы всегда открыты в прелестной улыбке, которая в любой момент готова взорвать заразительным хохотом. Тане не нужна была косметика, а вот одежду она всегда выбирала тщательно, изучала самые модные каталоги, ходила на выставки лучших дизайнеров. И если она выбирала для себя модельера, тот тут же становился ее лучшим другом или подругой. Это был формат отношений Тани с другими людьми. Наверное, именно поэтому любая одежда не просто хорошо сидела на Таниной крупной, даже полноватой фигуре. Одежда любовно обнимала ее тело, подчеркивала броское обаяние лица. Это была не красота, это было то, что людям нравится больше красоты.

Друг с другом Настя и Таня в лучшем случае здоровались. До одного, неудачного для Насти, дня.

В тот день главный редактор принимал очередную Настину передачу. Это был результат тяжелой, напряженной работы.

Группа неделю работала в небольшом провинциальном городе, где несколько школьников при полной поддержке своих родителей и частично учителей устроили травлю мальчику с аутизмом. У этих людей нашлась поддержка в администрации города.

Как заявил один чиновник, «больные должны учиться в своих учреждениях, а не с нормальными детьми».

Телевизионщики жили в единственной гостинице, в которой не было даже горячей воды.

Силы казались настолько неравными, что никто не представлял себе, как можно обратиться из потока вздорных, агрессивных выяснений, которые начинались задолго до съемки и не заканчивались, когда камеры выключались.

Людьми – взрослыми и подростками – овладел азарт толпы и победы. Они были вместе, им нужно было только добить жертву, и пусть их подвиг увидят все по телевизору.

Настя не спала, не ела. И просила операторов все писать, брать крупные планы, сама почти никого не перебивала. Даже редактор Светлана не понимала, есть ли у нее идея. Перед записью последних интервью с отобранными Настей «активистами», с мальчиком Толей, тоненьким, задумчивым и немного отстраненным, его родителями, раздавленными несчастьем, женщинам в гостинице с трудом удалось помыть головы. В довершение всего Настя задела рукавом светлой блузки дверь школы, только покрашенную в темно-зеленый цвет. Пришлось ее выбросить, она влезла в ту темную толстовку, в которой приехала. В ней и снималась.

Она осторожно, не сбивая ничей запал, повела свою линию. Они и не поняли, что уже стали оппонентами, когда она сломала весь их наглый и ущербный фронт, якобы силы перед якобы слабостью. А потом уничтожила сам факт человеческой состоятельности тех, кто силой вынужден доказывать свою полноценность. Это требуется в одном случае: когда о состоятельности нет и речи. Когда о человеке нет и речи. Есть только мотив подмены.

– Мне жалко, что я с вами познакомилась, – сказала Настя. – Я теперь буду хуже относиться ко всем людям. Мне жаль вас: вы можете никогда не стать людьми. Но есть одна надежда – это живая и пока не разбуженная совесть. Попробуйте прислушаться к ней – каждый в одиночестве, не в толпе. Попробуйте представить себе, что эта же толпа завтра поймает вас в момент беды. К сожалению, так и будет.

После записи они посмотрели крупные планы – у них все было! Агрессивные, полубезумные лица, затем те же – уже озадаченные, захваченные врасплох. Во взглядах растерянность и даже страх, как всегда бывает с теми, кто внезапно видит себя со стороны глазами человека, разоблачившего их тайну ущербности. Спокойное и печальное лицо мальчика Толи, которому никакие победы не были нужны. Большие глаза Насти: в них было презрение, когда она произнесла слово «жалко». Да, все получилось. Группа аплодировала автору, Светлана ее обнимала.

А на сдаче главный увидел не все это, а Настину затрапезную толстовку. И произнес на ее тему целую речь. Настя была его любимицей, но то ли он был не в духе, то ли на самом деле так раздосадовала эта кофта, но он сказал:

– Я бы зарубил передачу. Просто понимаю, что переснять уже не получится. Но на будущее...

Впрочем, он поставил ее материал на ближайшее лучшее время, назначил повторы. Но ни слова о сути.

Настя выскочила из кабинета, прибежала в туалет и там долго рыдала от обиды и усталости. Когда она умывалась под краном, кто-то ласково сжал ее плечо. Это была Таня Сизова. Теплые карие глаза, нежная, сочувственная улыбка, голос, который коснулся Настиного сердца:

– Я слышала, что наш Циклоп опять выступил сегодня. Расскажи мне, в чем дело.

«Циклоп» – было прозвище главного из-за дефекта одного глаза.

И Настя вдруг начала рассказывать. Все: о мальчике Толе, о тупых преследователях, о голове, вымытой холодной водой, блузке в краске, чертовой толстовке, из-за которой все чуть не пропало. Она продолжала в машине Тани, потом в красивой уютной квартире. Появилась мама, до смешного похожая на Таню, расставила им на столе вкусные вещи, наговорила приятных слов о Настиных передачах. Так неожиданно хорошо закончился трудный для Насти день. А следующий день уже стал качественно другим: в нем появилась Таня, сразу в ранге самой близкой подружки. Это оказалось так просто: у Насти не было вообще никаких подруг.

Таня влетела теплым ветром в ее кабинет. В руках у нее был букетик подснежников.

– Привет, Настена. Там восторг, а не погода. У тебя есть кофеварка? Я пирожные привезла из одной очень модной и стильной лавки. Там все повара и кондитеры из Италии. Порусски ни бум-бум. Но меня понимают, хотя я не знаю итальянского. Эти пирожные из клуб-

ники, которая вчера еще была на грядках под Римом, со сметаной, которая позавчера была молоком в корове.

Настя сначала растерялась: в это время она впадала в работу, и никто не решался ее отвлекать. Потом рассмеялась.

Таня сварила кофе, пирожные оказались сбывшейся мечтой. А легкий женский разговор посреди жестокого рабочего ритма вдруг показался Насте слаще пирожных.

– Слушай, Настя, – вдруг серьезно сказала Таня. – Я о Циклопе. Посмотрела твою передачу. Это блеск, ты прекрасна, убедительна, но кофта – это что-то страшное. Без обид. Это мне обидно: у тебя такое прелестное лицо, такая хорошая фигура, но как ты одета? Куда смотрят бабы из твоей группы? Короче, жди. Я к вечеру привезу кое-что, мы прямо тут и выберем. Тебе понравится – я ручаюсь. Я вообще почти не ошибаюсь. По деньгам разберемся, это люди, которые могут ждать. Мои друзья и настоящие дизайнеры.

Как-то стремительно у Насти поменялся гардероб, появилась новая дорогая косметика. Во время сдачи одной из передач Циклоп вдруг произнес:

– Что-то случилось у нас с Волошиной. Влюбилась, что ли. Смотрится, как американская звезда, даже не французская.

А Таня продолжала раздвигать строго ограниченный круг Настиной жизни.

– Ты любишь кино? – однажды спросила она.

– Конечно. Но сто лет ничего не смотрела. То, что показывают по телевизору, кажется ужасным, в кинотеатр не поеду, да и не знаю, что сейчас смотреть. Не слежу.

– Я слежу, – сказала Таня. – Более того, я знаю эту кухню до мелочей. Как одни и те же наглые, бездарные дельцы захватили бюджет кино, всех опутали связями с чиновниками от культуры, которые в доле. Короче, талантливые режиссеры не пропали, иногда им даже удастся что-то снять, но в этом случае им с легкостью перекрывают прокатную судьбу. Это люди, которые ничего не покупают. Газеты в том числе. У меня к тебе предложение. Давай съездим на один закрытый просмотр. Режиссер – гений. Они все против него. Картину еще никто не видел, а все продажные критики уже написали провальные рецензии. Я просто хочу, чтобы ты посмотрела: у тебя такое чутье. Если понравится, может, сама захочешь написать небольшую рецензию. У тебя имя, дадим в хорошей газете с фото. У тебя такой удивительный, прекрасный стиль. Это будет необычно: ты никак не связана с кодлой заказных критиков. Вроде бы просто зритель, но какой...

– Давай посмотрим, – задумчиво сказала Настя.

Таня изложила именно ее схему участия. Несправедливость, круговая порука, травля таланта.

К тому же в личной жизни Насти появилась такая жгучая тайна, с которой ей все труднее оставаться одной, особенно по вечерам и ночам. И лавина новых эмоций требует выхода из детской тематики ее работы. Об этой тайне не знает даже Таня.

И вечером они приехали в небольшой просмотровый зал «Мосфильма», куда пропускали по списку зрителей, в основном критиков. Некоторых Настя знала в лицо и по фамилиям.

Таня шепнула: «Они все из разных колод, многие приехали, чтобы топить Валеру».

Режиссер Валерий Игнатъев оказался довольно красивым и мрачным человеком с холодным, подозрительным взглядом узких темных глаз.

Обстановка была напряженная. Исполнитель главной роли – хороший актер Сергей Толстов – держался неуверенно, скованно. Похоже, он сомневался в достойном результате.

Таня сначала дружески пообщалась с режиссером, представила ему Настю. Затем обняла Толстова, как сестра, – нежно и ободряюще.

Свет погас, пошли титры...

Настя еще не видела действия, привычных завязки-развязки сюжета, но уже с удивлением понимала, что она включена в какой-то магический процесс выражения мысли. Сильного

и страстного выражения. Музыкальный фон – величественная, глубокая и пленительная композиция – был важнее, выше текста. Герои – серьезные, разные люди из тех, что редко оказываются вместе, потому что в принципе не верят в человеческое содружество, – вдруг прорвали границы обычных жизней. Они ушли в абсолютно свободный поиск-полет. Они искали только человечность. Они проходили мимо банальности, пошлости и жестокости. Они вместе искали самое тайное родство. И они нашли его. В самых заброшенных уголках. В самых забытых душах. Диалогов было очень мало, разговоры из двух-трех фраз. Но от крупных планов главного героя у Насти замирало, остывало и вспыхивало сердце. Трудно поверить, что это тот самый Сережа Толстов, который жметя в последнем ряду.

«Пожалуй, действительно гений», – подумала Настя.

Таня горячо зашептала ей в ухо:

– Они все уже достали бумажки, чтобы громить. Скажи первая, умоляю. Хоть пару слов.

Настя не успела сказать, что она ни за что не полезет со своим мнением в подготовленное или заготовленное заключение авторитетных критиков. Что у нее в принципе нет никакого осознанного мнения. Но свет в зале зажегся, когда еще звучала музыкальная тема и не растаял крупный, самый длинный и невероятно напряженный план главного героя. И она, неожиданно для себя самой, встала, хотела сказать просто «спасибо», но потрясение вдруг прорвалось страстным рыданием, с детскими обильными слезами.

Если бы режиссер Игнатъев нанял актрису для такой роли, это было бы его самым эффектным ходом. Но ему просто так повезло.

Заготовленные речи были скомканы, усатые, бородатые критики покидали зал, немного сбитые с толку. Фотограф съемочной группы сделал душераздирающие снимки плачущей Насти. И они утром хлынули в интернет вместе с небольшим, проникновенным текстом, который она прислала Тане ночью.

На следующий день рецензию перепечатали несколько хороших газет, не без помощи Тани, конечно. Странный фильм был странным образом спасен.

К вечеру Таня вошла в кабинет Насти в компании Игнатъева и Толстова. Мужчины принесли роскошные букеты. Настя вынесла минут пять их восторгов и благодарности, потом сослалась на то, что срочно должна пойти к начальству. Постояла на лестнице, пока режиссер с актером не ушли, а потом вернулась и сказала Тане:

– Никогда не делай таких вещей. Зачем ты их привела? Я ничего для них не сделала. Я просто была искренней. И да, я давно не была в кино. Еще дольше не видела ничего приличного. Потому такая реакция.

– Только не злись, – улыбнулась нежно Таня. – Но у нас такая ситуация. Для тебя есть заказы на рецензии по картине для других изданий, в том числе очень серьезных.

– Исключено, – отрезала Настя. – У меня своя работа, я не собираюсь вливаться в непонятную для меня деятельность по оценке чужой. Мне самой такая оценка никогда не нужна, нелепо навязывать что-то другим.

– А если мы сделаем так, – мягко, вкрадчиво сказала Таня. – Ты напишешь или наговоришь мне на диктофон все, что ты думала и чувствовала во время просмотра. А я сделаю из этого несколько разных материалов и дам под своим именем. Тебя не смутило бы такое соавторство? Твои слова и мысли, моя организация. Гонорар пополам.

– Давай попробуем. Почему нет? Только никакого гонорара. Это просто мой вклад в продвижение хорошего кино.

– Можно, я к тебе домой вечером заеду? Заодно кое-что расскажу. То, о чем еще никто не знает. И по этому поводу у меня к тебе одно интересное предложение.

Поздно вечером они приехали в Настину однокомнатную квартиру. Она переехала в нее после развода и размена большой квартиры, в которой жила с мужем.

– Надо с этим что-то делать, – озабоченно сказала Таня, осмотрев почти голые стены. – Ничего, я все придумаю.

Они поработали пару часов. Насте даже понравилось вот так, без всяких заданий и обязательств, без плана и подготовки озвучивать то, что чувствовала и понимала. А потом Таня поделилась с ней своей тайной. У нее, оказывается, бурный роман с актером Сергеем Толстым.

– Да, он женат. Скажу даже больше: у него есть постоянная любовница. Но у нас все случилось так внезапно и бурно... В общем, ты поймешь. Только ты и можешь такое понять.

Настя не то что поняла. Она просто приняла сложную ситуацию подруги. И сама не заметила, как поделилась тем, чем ни с кем не собиралась делиться. Тем, что уже несколько месяцев делало ее жизнь такой яркой и такой невыносимой. В одной из ее передач участвовал известный писатель Андрей Никитин, очень умный, саркастичный, ироничный, неожиданно чуткий и добрый человек. После записи он привез Настю домой, они еще долго продолжали интересный разговор. А потом естественно и стремительно случилось то, что Андрей определил так:

– Это невероятно. Мне казалось, я пережил самые сильные и тяжелые годы своей судьбы. И вдруг в одну ночь оказалось, что мое самое большое, невыносимое счастье и самая большая беда впереди.

Да, они оказались похожи и в этом: в страхе порядочных людей перед тем, что их ждет. Обоим было понятно, что отказаться друг от друга легко не смогут.

Таня слушала, как всегда, очень хорошо. И слова нашла самые подходящие.

– Ты не поверишь, но когда я увидела вас вдвоем в кадре, то сразу поняла, что вас что-то сильное связывает или свяжет.

– Поверю, – ответила Настя. – У тебя безошибочное чутье. Но ты, конечно, понимаешь, что об этом никто не должен знать. И что нам придется с этим справиться. Наверное.

– Дело в его жене?

– Да, в Лидии. В том, что она работает редактором в программе на нашем телевидении. В том, что у нее очень больное сердце. И в том, что наша с Андреем безнадежная страсть выглядит с любой стороны непорядочной и пошлой историей.

– Не буду давать советов, конечно. Но я потрясена тем, как оказались вдруг похожи наши судьбы. И теперь слушай мое предложение. Ты пишешь сценарий о романе телевизионной журналистки с известным женатым актером. Вкладываешь и свои чувства. А я делаю все, чтобы он попал в нужные руки, причем очень быстро. Желательно мгновенно. И чтобы у фильма не было больших препятствий. На этот раз соавторство прямое, открытое, две фамилии, гонорар пополам. Там другие суммы. Иначе нельзя, тебе придется бывать на съемках, работать с режиссером. А я оккупирую нужные кабинеты. Как?

– Я попробую, – нерешительно сказала Настя. – Не получится, мы просто никому не покажем.

Так они стали официальными соавторами. Тем временем рецензии Тани на разные фильмы и спектакли стали появляться во многих изданиях, распространялись по интернету.

Настя была этому только рада. Они ничего не скрывали, и она диктовала Тане тексты в своем кабинете, в паузах между работой. Считала это своим отдыхом. По ночам дома писала сценарий. Ее группа с нескрываемым интересом за всем наблюдала.

– Настя, тебя в таком альянсе ничего не напрягает? – однажды спросила редактор Светлана.

– Ни в коем случае, – ответил за Настю Петя, администратор группы и, можно сказать, штатный шутник. – Ты что не видишь, Свет, она же теперь все равно де Бержерак. Насте подходят только оригинальные роли.

Так появились первое прозвище Насти и новое отношение коллектива к Татьяне. Не так она проста. Такие люди часто и приходят к вершинам власти или славы. Налицо самый нужный талант – умение манипулировать всеми, кого можно использовать в своих интересах.

Встречи подруг у Насти дома стали регулярными. Таня читала новые страницы сценария. Находила нужные слова, чтобы снять неуверенность Насти, вдохновить на продолжение. И разумеется, они делились друг с другом подробностями своих непростых романов. Однажды Таня расплакалась, чем совершенно потрясла Настю.

– Мне нужно срочно что-то решать. Я должна купить себе отдельную квартиру, хотя бы такую, как твоя. Мы с мамой страшно ругаемся. Дело в жене Сережи. Она звонит нам домой, скандалит. Мама в ужасе, требует, чтобы мы прекратили встречаться.

Настя была подавлена этой новостью. Для себя сделала только один вывод: надо быстрее дописывать сценарий, чтобы Таня хотя бы ни от кого не зависела. Это, конечно, не сумма, на которую можно купить квартиру, но какое-то подспорье, если она влезет в ипотеку. И сценарий наконец лег на нужные столы и попал в нужные руки.

В это время Настя с группой собирались поехать в Калугу по одному письму: там власти выбрасывали на улицу юную вдову погибшего в армии солдата с грудным ребенком.

Маша и Коля жили в его квартире, которую он получил как воспитанник детдома. Она ждала ребенка, они подали заявление в загс, когда он приехал в свой первый отпуск после призыва. А перед самой датой регистрации он погиб при непонятных обстоятельствах на полигоне. Привезли в закрытом гробу. У нее больше никого на свете не было. Сама доехала до роддома, сама вернулась с ребенком и получила предписание от мэрии – освободить квартиру.

– Какой кошмар, – сказала Таня, услышав эту историю. – Тебе не кажется, что гибель мальчика и эта история с выселением связаны? Тем более, они сироты. И куда смотрят юристы? Что это за бред – выбрасывать на улицу? Можно мне поехать с вами?

– Кажется. Это связано. Насчет улицы – не бред. Суд вынесет постановление о выселении в связи с «незаконным заселением». И ее проблема, куда она вернется. До получения Колей этой квартиры они жили в бараке, в комнате на восемь бывших детдомовцев. Коля не успел ее прописать в квартире, регистрация в бараке сохранилась. И конечно, буду рада, если ты поедешь с нами. Там как раз требуется твое умение открывать дверь ногой в любой кабинет.

В Калуге Настя и Таня поселились в одном номере гостиницы.

В тот же вечер все поехали к вдове Маше. Она открыла им по условному звонку. Изнутри к входной двери был придвинут шкаф на случай силового внедрения. Из квартиры Маша не выходила, какие-то подозрительные люди постоянно дежурили под домом. Соседки приносили ей еду и передавали в приоткрытую дверь.

Маша оказалась именно такой, какой Настя себе представляла: маленькая, очень отважная девушка, которая только после настоящего большого горя становилась взрослым человеком, защитницей, матерью. Малыш Коля был смешным и прелестным.

Настя выслушала всю историю в подробностях, посмотрела все документы, затем страшные ультиматумы и угрозы: дело передано в суд, решение будет принято такого-то числа, принудительное выселение без предоставления другого жилья. По телефону они ей сказали, что если съедет добровольно, без огласки, дадут на время место в комнате общежития, где в отличие от барака есть вода и свет.

– Этот запасной вариант в случае твоего согласия и есть признание в преступном замысле. Они боятся огласки. Шантажируют. Что не значит, что не пойдут на все. Боюсь, будет очень трудно, Маша.

– Не беспокойся за меня, Настя, – ответила Маша. – Я все свои девятнадцать лет прошла не по розам. Меня мать на третий день жизни пыталась зарыть в парке. И знаешь, потом бывало так, что я жалела, что у нее не вышло. Я буду бороться за того Колю, которого убили, и за того, который уже верит в меня.

Ночью Настя горько плакала в номере. Таня была очень молчаливой. Светлана занималась организацией интервью с чиновниками, юристами, судьей.

С утра все члены съемочной группы ощущали пристальное внимание и напряжение: за ними явно следили. Прошел первый день записи интервью. Они были чудовищно сложными, Настю забивали демагогией и практически угрозами.

Поздно вечером она почти ползком добралась до номера. Тани там не было. Настя вспомнила, что она не видела ее целый день. А утро началось с большого сюрприза. Представители всех заинтересованных чиновников сказали, что они отказываются участвовать в съемках. Что решение суда есть, дата принудительного выселения назначена. И что в Москву направлена жалоба на волонтаристские действия группы журналиста Волошиной. К дому Маши их не пустила полиция.

Настя посмотрела на Таню, которая стояла рядом с задумчивым видом:

– Таня, ты даже не попыталась найти во всем городе хоть одного вменяемого человека?

– Настя, поверь мне. Это тот случай, когда все бесполезно. Коррупционный круг, все схвачено. Нам нужно уехать, пока с нами ничего ужасного не случилось. Ты же знаешь, как расправляются с журналистами. В Москве мы добьемся большего. К тому же наш сценарий принят, его уже взял Валера Игнатьев. Это очень важно: нужно быстро получать бюджет, технику, отбирать актеров – и вперед.

В Москве Настя поехала в редакцию прямо с поезда. Страшная тяжесть на сердце подсказывала, что все очень плохо. А ее сердце не ошибалось.

В кабинете на столе лежало распоряжение Циклопа – закрыть съемки передачи «Вдова». Она только повернулась, чтобы бежать в его кабинет, но он вошел сам:

– Настя, не обсуждается. Ничего не обсуждается. Вмешательство на таком уровне, что в пору спасать твою передачу в принципе. Займись чем-то другим. Хочешь, возьми отпуск.

Настя долго сидела за своим столом, сжав зубы и кулаки, преодолевая острую резь в глазах после многих часов съемок и бессонной ночи. Не сразу заметила, что рядом встали Светлана и Петя.

– Настя, только не впадай в отчаяние, – сказала Света. – Это обычный рабочий момент. Тебя просто до сих пор обходило. Тебя любит Циклоп. Но и у него есть свой потолок сопротивления. Значит, такой уровень. Надо отступить. Принести жертву, чтобы сохранить возможность работы в принципе.

Настя молчала и, казалось, что-то напряженно вспоминала.

– Настя, о чем ты думаешь? – спросил Петя.

– Я думаю, в какой момент все сломалось. Ты понял, что это произошло быстро, после какого-то общего решения руководства?

– Рад, что ты тоже это поняла. Да, такой момент точно был. А теперь разреши мне сделать одну вещь. Только не спрашивай, о чем я. Я мог бы что-то проверить с помощью специалистов, никто не заметит. У меня есть приятель – частный детектив, а у него помощник – программист, если нужно, хакер.

– Проверь, – сказала Настя. – Я хочу знать все. Только мы трое.

Днем ей позвонил режиссер Игнатьев:

– Настя, начинаем работать. Сразу скажу, что я в курсе особенностей вашего соавторства. Татьяна идет своим курсом, пробивая нам путь. Мы приступаем к режиссерскому сценарию, решаем все творческие вопросы. Предлагаю работать у меня. Когда тебе удобно?

– Я позвоню сегодня. Сейчас нужно решить одну рабочую проблему. Валерий, а вы Таню сегодня не видели?

– Она была на студии. Пролетела, как победный вихрь. На ходу сказала, что у нас все замечательно. Сможем приступить к съемкам, как только будем готовы. Правда, Сережа Толстов еще не дал согласия. Она с ним это решает.

– Хорошо. Я позвоню.

Светлана сварила крепкий кофе, и они с Настей качались по разным стульям без мыслей, без разговоров, даже без нетерпения. Просто ждали. Петя говорил по телефону, сидел за компьютером, куда-то ездил. Вернулся к вечеру, не глядя на них, вновь подошел к ноуту, что-то нашел и позвал Настю:

– Посмотри наш доклад. Вот распечатка звонков за два последних дня съёмок по номеру мобильного телефона Сизовой. Она сама два раза звонила мэру, один – прокурору и два – судье. Потом были одиннадцать входящих с этих трех телефонов. Дальше – с ее номера в Москву: три звонка. Два по телефонам правительства, один депутату Зимину по его мобильному. В тот же день два звонка по служебному номеру Циклопа. Один от Зимина, другой из правительства. Вот время его распоряжения о закрытии передачи «Вдова». Вот через пять минут эсэмэс от 900 на мобильный Сизовой о пополнении счета. Вот сумма. Да, именно столько нулей. Отправитель – бухгалтерия одного незаметного калужского СУ. Самый крупный перевод за последние полгода.

– Спасибо, – очень тихо произнесла Настя. Светлана с ужасом посмотрела на ее белое лицо, на нем были одни глаза с расширенными зрачками. – Все нормально. Подождите. Нам нужно поработать.

Она неуверенно, как человек с сильным головокружением, вернулась к своему столу и набрала номер. Светлана и Петя в потрясении слушали ее разговор с режиссером Игнатьевым. Она сумела объяснить ему в очень сжатом и не оставляющем сомнений тексте, что произошло и что от него требуется.

– Прошу понять, Валерий, это наша общая работа. Речь о включении в сценарий очень важного эпизода, который раскроет характер героини. Мое предложение: вы завтра поедете с группой в Калугу, запишете документальные кадры выселения вдовы с грудным ребенком. Это будет сильно: полиция, судебные исполнители, чиновники – и маленькая юная женщина с младенцем, их выкинут на улицу. Для того чтобы вам разрешили снимать, мы можем организовать звонок по телефонам исполнителей, что это запись для правоохранительных органов, как неотвратимо исполняется решение суда. Если все получится, нам с вами останется только воссоздать эпизод уже на съемках с актерами так, как вы умеете – пронзительно до дрожи.

– Я понял, – ответил Игнатьев. – А что, хорошая мысль, чего-то такого как раз и не хватало. В этом мы конгениальны. С лапшой на их уши я справлюсь. Не в первый раз. Захватчу кого-то с нужной ксивой. Ты не можешь поехать с нами?

– Мне как раз категорически нельзя.

– Понятно. Как решаем ситуацию с соавтором?

– Сейчас пришло на имя директора студии заявление. Все, как на духу, о распределении обязанностей. Договор в силе, ее фамилия в титрах в силе, гонорар само собой. И требование запрета приближаться к работе группы. Она начала работать против нас.

– Отлично. Жду. Настя, мы справимся. Все требования поддержу. Работу с грязи никогда не начинаю.

– Не сомневаюсь. Все, что получится снять, пожалуйста, в любое время, хоть ночью, пришлите на мой имейл. Мы ждем.

Вечером они втроем поехали к Насте. Девушки прокрутились ночь на одной кровати, Петя – на надувном матрасе. На работу приехали рано, сидели у компов и смотрели на часы. Петя связался с известными блогерами и серьезными сайтами, предупредил, что в течение дня начнет рассылку «улетного видео».

Валерий позвонил из Калуги во второй половине дня.

– У нас все нормально. Работаем. Они тоже. Нас приняли, как родных. Считают, что мы выполняем заказ пресс-службы МВД. Маша держится отлично. Малыш еще лучше. Сейчас начали выносить вещи. У нас план, как затянуть ситуацию до ночи. Им никто не помогает.

Тут, кстати, присутствует баба, которая называет себя будущей владелицей квартиры. Сказала мне по секрету, что аванс уже внесла. Я посоветовал использовать халявную рабочую силу по максимуму. Ей понравилось. И вот они тащат детскую кроватку, матрасики, игрушки, старую одежду хозяев. Сдирают светильники и люстры. Вот потащили телевизор. Сильные кадры. Малыш тарасит глазки, она пытается его кормить. Мы сделаем шедевр, Настя. Через час начинаю высылать.

К ночи не убойное, но убийственное видео хлынуло по разным каналам в Сеть.

Настя отобрала такие кадры: Маша держит ребенка, судебный исполнитель пытается его захватить из ее рук. Маленький Коля кричит. Крупным планом лицо Маши. И процессия мужиков в форме, которые несут коляску, игрушки, телевизор и люстры. Сопроводила коротким сильным текстом с именами и адресом. Подписала «Автор с места событий».

Они остались на ночь в кабинете Насти. Игнатъев сообщил из гостиницы, что выселение женщины с ребенком перенесли из-за времени на утро. В квартире осталась кровать, посуда на кухне. Валера принес им еду и молоко.

– Если до утра будут провокации, заберу их в номер.

С провокациями никто не успел. Утром материал расхватили почти все газеты, пошли сообщения о следственной и прокурорской проверке. Из Москвы на место событий примчались журналисты, операторы, фотографы. Военный прокурор отдал приказ проверить обстоятельства гибели солдата, ситуацию с его семьей. С полудня пошли сообщения об отставках.

Днем Настю вызвал Циклоп.

– Я так понимаю, ты в курсе того, что происходит?

– Да, читаю сейчас в интернете.

– И ты, разумеется, не имеешь никакого к этому отношения, я правильно понимаю?

– Конечно. Как и что я могла. У меня не было ни техники, ни людей. И вообще...

– Какие версии? Чья-то диверсия, просто утечка?

– Думаю, второе. Возможно, оператор, который делал оперативную съемку, не удержался и выложил в Сеть.

– Понятно. Хорошая версия. Через пять минут присылай мне заявку на следующую передачу. Что-нибудь легкое, возможно, интервью с интересным человеком по общим детским вопросам. Дату поставь два дня назад. А сейчас вали отсюда вместе со своей чертовой группой. Вернетесь завтра выспавшимися, умытыми, по-человечески одетыми.

Так они и поступили.

Дома Настя первым делом, конечно, включила компьютер. Потом позвонила Маше.

– Настенька, тут такое, – прорыдала та. – Я знаю, что это ты. Валера сказал, мы будем в художественном фильме. Меня сыграет настоящая артистка. А Коленька попробует сам себя сыграть.

– Ну и хорошо, – ответила Настя. – Старайся спать и есть. Сыну привет.

Она осмотрела свою тишину и ощутила холодок грядущей опасности, враждебности, затаенной, спрятанной до поры мести.

Таню никто не видел на работе все это время. Разумеется, она не звонила. Вряд ли у нее могут быть серьезные неприятности со следствием. В обнародованном материале ее просто нет. Никакого формального отношения она не имела даже к съемкам группы Насти. Фильму она, конечно, вредить не станет: причины конфликта, отстранения от картины уничтожат именно ее репутацию. После такой огласки Таню не допустит больше ни один режиссер на пушечный выстрел к своей работе. Да и выплаты впереди, потом с проката. Но не быть ответа не может.

Настя с ужасом вспоминала свои первые и, конечно, последние откровения с подругой.

«Никто не должен знать, только ты, ты все понимаешь».

Да в том-то и дело. Она позвонила Андрею, телефон был вне доступа. Потом по наитию заглянула на страничку жены Сергея Толстова, тоже актрисы, Инны. Вот и оно.

«Эта журналистка изводит нас своими звонками. Рассказывает мне, как ее любит мой муж, как он меня терпеть не может. Мне она как-то сказала, что, если я не разведусь с ним, она засветит меня во всех желтых газетах. Говорит, меня в массовку не возьмут. А сегодня уже вообще кошмар. Она подстерегла сына, стала рассказывать, как его папа ее любит, как она любит его».

Ее спросили в комментариях: «А что Сережа говорит?»

Инна ответила: «Говорит, это все какой-то бред. Он пьет. Отказался от хорошей роли у Игнатьева».

Настя сняла свои сильные очки, вошла в ванную и плеснула очень холодной водой в свои глаза. Они не близорукие, они слепые, эти глаза. А сердце, ее якобы чуткое сердце, болталось на веревочке в умелых руках, как розовая игрушка на День святого Валентина.

Настя набирала номер Андрея до утра. Потом заставила себя уснуть на несколько часов, отключив звонок. Проснулась, увидела подряд несколько входящих от Светы и Пети. Сидела, тряслась и боялась перезвонить.

Света позвонила сама:

– Ты немного поспала? Беда у нас. Сразу скажу, Настя, что твои отношения с Никитиным казались тайной только тебе. Не бывает такого на телевидении. Но мы старательно делали вид. Короче, Татьяна вчера вечером пришла в отдел Лидии, его жены. Просвещала и дала прослушать ей запись разговора с тобой, в котором ты рассказываешь ей все, до мельчайших подробностей. Эта запись оказалась у Лиды и в почте, и в сообщениях смартфона. Она есть и у нашего Циклопа.

– Беда только в этом?

– Нет. Лидия с обширным инфарктом в больнице. Сегодня в новостях – Андрей Никитин ночью попал в ДТП. Был, пишут, нетрезв. Сейчас в коме.

Если бы Настя ночью в своих самых тревожных предположениях могла допустить сокрушительный залп всех вражеских орудий с попаданием прямо в сердце... Если бы она попыталась найти на этот случай для себя точку опоры, тень самого призрачного убежища... Она бы пришла лишь к одному решению. С этим жить нельзя. Пережить все это невозможно. И вот все случилось. Впереди только еще более страшное. И она просто встала, тщательно помылась, причесалась, оделась по-человечески, как велел Циклоп. И поехала на работу.

Они все ее ждали.

Света кивнула на дверь главного редактора: «Он ждет».

– Привет, Волошина. Я все подписал. Запускайся сегодня же. Настя, не оставайся с этим одна. Мы справимся.

И лица Насти вдруг коснулся теплый голубой луч его единственного глаза.

В кабинете Насти у стола стоял Петя:

– Ничего не нужно? Есть варианты. Настя, ты только скажи...

– Не вздумай. Даже не смотри в этом направлении. Никаких действий против Татьяны Сизовой, менеджера по рекламе.

– Как скажешь. Думаю, ты поняла, что не всегда бываешь права. Но в случае чего, я рядом. То есть мы рядом.

Позвонил Валера Игнатьев:

– Настя, сможем сегодня вечером приступить к работе?

– Конечно. Только, наверно, поздно, мы запускаемся с передачей.

– Жду звонка.

Этим вечером они не начали работать. Этим вечером сообщили о смерти писателя Андрея Никитина.

На премьеру картины «Зеленые цветы» режиссер Валерий Игнатьев пригласил только близких друзей – коллег, журналистов, критиков. Их оказалось немало. Это была особая пуб-

лика, люди, которые молчали о том, что всем было известно. Как трагические события судьбы единственного настоящего из двух заявленных авторов изменили замысел, сюжет и саму идею картины. Какой кровью создателям давался сам процесс работы. Именно работа и оказалась главным спасителем жизни Насти.

После похорон Андрея Никитина и смерти его жены Лидии она уже стояла на подоконнике своего десятого этажа, когда Валерий выбил дверь. И какие-то дни тащил ее просто за шиворот, как сильный зверь спасает раненого собрата. Он заставлял ее работать, когда она теряла сознание от слабости, когда в страхе переходила из зыбкого полусна в ставшую чужой реальность.

– Пиши, – говорил он. – Переделывай, мучайся, ищи. Вкладывай все, что думаешь. Я пристроюсь, я выберу.

На премьеру Настя приехала со Светланой и Петром. Они оценили внушительную охрану на входе. Когда все заняли свои места в зале, на сцену перед экраном вышел Игнатъев.

– Ребята, я не оратор, – сказал он. – И я даже понятия не имею, что у нас получилось. Что хотели, как думали, наверное, лучше скажет Настя. Она и объяснит, что такое зеленые цветы.

Настя была спокойной и красивой. В черном платье, без своих огромных очков.

– Что получилось, я в принципе не в состоянии оценить. Что хотели, что думали... Наверное, мы шли по мелодии исчезающего совершенства. Когда жизнь отбирает все самое прекрасное на белых стеблях, можно переступить порог, за которым оживают надежды по команде «мотор». И это шанс дожить, доплакать, долюбить. Зеленые цветы искал чистый, певучий и несчастный поэт Николай Рубцов.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

Картину смотрели в полной тишине – без звука и шороха. Аплодировали стоя. А потом Игнатъев объявил:

– Сегодня нет исполнителей главных ролей, но один, очень важный артист, приехал. Несите сюда юное дарование. Колян Семин, который виртуозно справился с ролью жертвы взрослого произвола. И победил вчистую. Вы, конечно, в курсе, что он играл самого себя.

И Маша вынесла своего подросткового, важного и довольного малыша. Помощник режиссера притащила приготовленного огромного белого медведя.

Коля обнял его и помахал ручкой публике, как будто это не первая его премьера. Так светло и хорошо закончился показ.

Настя повернулась к выходу из зала и попала в ворох белых роз. Он был в руках Циклопа. От волнения она не сразу вспомнила, как его зовут на самом деле. Сначала ткнулась лбом в его широкое плечо, потом сказала:

– Александр Григорьевич, у меня нет слов, чтобы рассказать вам, как я вас люблю.

– Работай, Волошина, – смущенно сказал Циклоп. – В кино тебя не отпущу. Отвлечлась немножко, и хватит. Мне, кстати, очень понравилось.

Потом они пили шампанское в вестибюле, официантки разносили на тарелочках нарезанные фрукты. Светлана с глазами на мокром месте несколько раз бросалась обнимать Настю. Петя с достоинством пожал руку режиссеру, повел профессиональную беседу.

– Да, – заметил он непринужденно. – Не знаю, говорят ли в таком месте о веревке, но Татьяна Сизова сейчас работает заведующей отделом в Министерстве культуры. По информации, как раз выдает и отзывает прокатные удостоверения. С вашей картиной все, конечно, будет в порядке, поскольку это и ее картина. Но на всякий случай: мы тут кое-что пробили, поискали, порылись. По аналогии с нашей историей. В случае чего, компромат – блеск. Если что.

– Слушай, – восхитился Игнатъев. – Да тебе цены нет. Не пойдешь ко мне на ставку сексота?

– Обсуждается, – скромно ответил Петя.

Ночью Настя говорила себе, что смерти нет. Пока ты кого-то любишь, пока помнишь, плачешь, жалеешь, он не может уйти совсем. И до утра обнимала свою тяжелую, бесконечную пустоту.

Дурочка

Это оказалось невероятной удачей. Как водится у Даши, началась она с жуткой катастрофы. Ей просто нужно было повесить бра над туалетным столиком. Встретила соседку, которая знает все о том, как лучше, и та дала ей телефон супер-электрика по имени Роман. Он явился через полчаса после звонка, прошел в грязных сапогах по ее чистому красивому полу, бросил на ее кровать свой рюкзак и приступил к работе до того, как она убрала со столика свои кремы, духи и шкатулки с украшениями.

Даша убежала от звуков сверления и от зрелища погребения своих сокровищ под толстым слоем пыли и измельченного бетона.

Но любая попытка кончается.

Даша дала великому мастеру Роману две тысячные бумажки, но он медлил, и она поняла, что это сумма, недостойная его мастерства. Добавила еще пятьсот. Чувствовала себя почти счастливой, когда он ушел. Успела промыть все баночки и шкатулки на столе, как и сам стол. И тут случилась катастрофа. Свет вырубился во всей квартире.

Более того, как поняла Даша, Роман еще и повредил кабель интернета: он вдруг стал торчать обрывком из-под плинтуса. А ей материал отправлять максимум через два часа. А он вообще еще не дописан. Даша была репортером большого интернет-издания. И мобильник разрядился, а домашний, понятно, тоже не работает.

Даша выбежала во двор, медленно пошла по дорожке, с тоской вглядываясь во всех встречных мужчин. Рабочие-мигранты живут в доме на первом этаже. Но днем они редко здесь проходят. Когда увидела очень худого парня со специфическим рюкзаком за спиной и очень озабоченным смуглым лицом с чуть раскосыми черными глазами, сразу поняла: это он. Остановила его. Так сразу и сказала:

– Простите, вы наш рабочий? У меня дома катастрофа. Все накрылось: свет, интернет. Моя работа. Мне нужен спаситель, потому что все это натворил один умелый электрик.

– Хорошо, – сказал парень. – Я не ваш рабочий, но я сам по себе мастер. У меня как раз все с собой для электрики. Зовут меня Умар.

– Прямо сейчас? – не поверила счастью Даша.

– Да, я живу в этом подъезде. Мы тут квартиру снимаем. Шел домой. Можем пойти к вам. Сказать, что все было замечательно, – ничего не сказать.

Умар снял обувь у порога, все сделал, переделал, заодно ровно повесил злосчастное бра, которое висело не так и криво. Включился свет, заработал интернет. Умар еще и убрал после работы. А когда Даша достала бумажник, смущенно сказал:

– Не надо. Мне неудобно: мы же соседи.

– Не говори такой ерунды, – горячо возразила Даша и сунула бумажку ему в карман. – Иначе я не смогу тебя приглашать. А у меня постоянно случаются катастрофы. Что ты еще умеешь?

– Все, – просто сказал Умар.

И что самое невероятное, это оказалось чистой правдой.

Из Дашиной жизни ушел дискомфорт. Она перестала корить себя за лень и безрукость. Все решалось быстро, как бы само собой. Просто приходил Умар. Иногда лишь затем, чтобы повесить пару картин на стены, временами – после счастья упавшего гонорара, – самый серьезный ремонт и настоящее обустройство.

Даша – человек не жадный и благодарный, – кроме платы по самому щадящему тарифу, отвечала своему мастеру за безотказность и мастерство профессиональным, журналистским пиаром, на этот раз устным. Через какое-то время у нее стали просить его телефон даже незна-

комые люди на улице: ссылались на общих знакомых. И все просили их ему порекомендовать, как будто речь шла об известном скульпторе или адвокате.

Как очень быстро поняла сама Даша, к которой ее мастер уже не прибегал через пятнадцать минут после звонка, – теперь его нужно было ждать неделями, – трудолюбивый, умелый, честный и молчаливый человек был занят практически круглосуточно только в своем районе. Люди отказывались от услуг фирм и бригад, а Умар брался абсолютно за все.

Даша поняла, зачем ему много денег, когда встретила на улице с женой и двумя маленькими дочками. Дети были очень хорошо одеты, выглядели здоровыми, жена лучилась счастливой улыбкой. Снимали они довольно дорогую квартиру, которую он отделал как собственную.

Как сказала его жена Зоя, на родине он строит для семьи двухэтажный дом. Два месяца в год, без сна и отдыха и без всякой помощи.

Это был вообще странный и удивительный человек, который мог находиться в квартире много часов и, если не считать необходимого для работ шума, оставаться невидимкой. Никакого присутствия. Бесшумно передвигался, подтирая за собой любую пыль и грязь. Практически не говорил, на вопросы отвечал односложно или кивал. Даша никогда не видела, чтобы он ел или пил. Время от времени только курил на общем открытом балконе этажа. Худым он был до состояния мумии, при этом поднимал и перетаскивал большие тяжести.

– Умар, наверное, очень устает? – осторожно спросила она однажды у Зои, которая часами гуляла во дворе с детьми или сама носилась на скейтборде.

– Да, – радостно заулыбалась та. – Он приходит ночью, уходит, когда мы еще спим. Мы даже не разговариваем. Он и не ест ничего. Кофе пьет, посидит за компьютером и ложится спать. Устает очень.

В этом и была великая странность их брака. Даша никогда не видела менее похожих людей. А они вместе не меньше пяти лет, столько было старшей дочке... Зоя, которая на самом деле была Айжамал, с радостным восторгом, почти с яростью впитывала чужой образ жизни, впивалась в обычаи и привычки светской праздной москвички. Она говорила быстро, возбужденно, почти без передышки. Постоянно смеялась, независимо от темы разговора. И дела у нее были связаны исключительно с посещениями людных мест и магазинов. Муж безмолвно и безропотно все это принимал и финансировал. Даже по его молчанию было понятно, что он намного умнее жены. Зато она была симпатичная, веселая, быстро научилась красиво одеваться, краситься, могла выглядеть в свои сорок как девочка.

Как-то Умар стал приходить к Даше не просто сосредоточенным и молчаливым, как обычно, он выглядел как почерневшая жертва несчастья, которая ни за что не издаст стога.

Только от соседей Даша узнала, что беда действительно случилась. Зоя потащила детей в «Макдоналдс», пригласила еще подружек. Они заболтались, увлеклись. И не заметили, как младшая трехлетняя девочка сползла со стула и пошла по скользкому полу из твердой глянцевой плитки. Девочка упала на пол лицом, разбила его страшным образом и выбила почти все свои маленькие зубки. Подружки позвонили Умару и в «Скорую», Зою с ребенком увезли в больницу, он забрал старшую дочку. Так он один разрывался, не бросая и работу. Мрачнел и еще больше худел из-за плохих прогнозов. Искал врачей-консультантов.

Через несколько недель Даша встретила на улице Зою с детьми. Имена у девочек были такие, что она их не могла произнести, но Зоя сразу сказала, что их можно называть Таня и Нина.

– Как Нина? – озабоченно спросила Даша. – Что с зубками?

– Плохо, – просияла радостной улыбкой Зоя. – Их нет, а те коренные, которые остались, все время болят, она не может есть. Только жидкую пищу из блендера.

– Почему же боль?

– Это всегда от сладкого. Как дам конфеты, кричит.

И Зоя продолжала со смехом рассказывать, куда они сейчас ходят и ездят. Еду она возит с собой: на улице дети лучше едят. А ездят они по магазинам, которые находятся на разных концах Москвы. Она запикивает двоих больших детей в одну коляску и тащит их в метро. Покупает какую-то бредовую ерунду.

Даша попыталась ей объяснить: это то, что всегда можно найти вот тут, под носом. Но это, конечно, было бесполезно, потому что не в результате, а в процессе было дело.

Про себя Даша вынесла Зое приговор: идиотка, причем дело не столько в отсутствии ума, сколько в эмоциональной непроходимой тупости. Но когда одна знакомая спросила ее, не кажется ли ей странной жена Умара, она ответила дипломатично:

– Дурочка. Милая, приятная, доброжелательная и общительная дурочка. Что, возможно, и требуется такому напряженно-сосредоточенному трудоголику-маньяку.

Она не произнесла одной мысли: эту семью надо бы страховать, настолько экзотические характеры окружили двух маленьких девочек в чужой, совсем непонятной еще для них стране.

А ее определение получило путевку в жизнь, стало ответом на вопросы многих. Зоя – славная дурочка. Ей стали давать советы, дарить подарки, приглашать в гости с детьми. Так люди оказывали уважение незаменимому мастеру Умару.

Сложная, бурная жизнь Даши топила на своем пути не только часы, дни, многие лица и эпизоды, – годы, казалось, пролетали на гребне взмывающих и падающих волн. Запутанную, иногда большую личную жизнь она поправляла запойной работой. Из тяжелой работы выплыла благодаря теплоте просвету такой жестокой и такой неожиданно дорогой личной жизни.

И привычным фоном оставался ее быт, удивительным образом облегченный благодаря тактичному, незаметному и почти гениальному участию Умара. Зою с детьми она не встречала очень давно. А когда случайно на них наткнулась, выходя из машины, по тому, как выросли девочки, поняла, что прошло с их последней встречи не меньше года.

Было очень поздно, около полуночи. А они то ли вышли из подъезда, который был далеко от их собственного, то ли просто там стояли.

– Привет, – весело окликнула Зою Даша. – Сто лет не видела вас. Вы что здесь делаете среди ночи?

– Умар работает в этом подъезде, мы его ждем, – ответила Зоя.

Она как-то вымученно улыбнулась, Даше показалось, что она ей не рада. А лица девочек были очень бледными, казалось, они засыпают на ходу.

– Он просил его ждать? А ты набери его. Если он задерживается, не стоит ждать. Смотри: дети хотят спать, давайте я вас провожу.

– Не нужно – не нужно провожать, – решительно замахала руками Зоя. – Мы и так не будем его больше ждать. Мы побежали домой. Спасибо тебе, Даша.

Вот тогда Даша почувствовала то, что у других журналистов называется профессиональной интуицией, а у нее – что-то сродни болезни. Маленькое грозное облачко заползает глубоко в мозг и там существует само по себе, скрытно, но упрямо. И самые разные мысли вдруг начинают увязать в нем, возникает ощущение нерешенной задачи, неразгаданной опасности. Облачко все тяжелеет, требует другой информации, притягивает новые детали. И что характерно: собственная жизнь больше не уносит Дашу от одного мелкого острого камешка чужой жизни, а, наоборот, выводит прямо на него.

Даша год не видела Зою с детьми, а после той ночной встречи они стали встречаться довольно часто. Это было в разное время дня и по вечерам. Зоя с детьми всегда целеустремленно куда-то направлялась. Она все лучше одевалась, стала краситься прямо с утра, явно ходила в парикмахерскую. В отличие от Даши, которой катастрофически не хватало на это времени. Дети тоже были одеты все ярче, наряднее, скорее расфуфырены, а не одеты. В этих кружевах, воланах и оборках, в этих тифельках с бантами и цветами в песочнице не поигра-

ешь, на лестницы, мостики и горки не полезешь. Даша никогда не видела детей Зои на детской площадке.

Тем временем весна явилась неожиданно и бесцеремонно: сразу с ярким солнцем, победившим и за ночь истребившим почерневшие от слабости последние сугробы.

Однажды утром Даша достала из шкафа легкие платья, юбки и блузки. Многие вещи она купила совсем недавно, зимой, под настроение, и ни разу не надела. То было утро великого разочарования. Зима оставила свой подлый след на фигуре Даши: она поправилась как минимум на полтора размера. Но какой смысл над этим горевать. Даша голодать все равно не станет, ей для работы и вдохновения требуется вкусная еда. И ничего с этим не поделаешь. Она сразу вспомнила тоненькую фигурку Зои и сложила все свои несостоявшиеся наряды в несколько красивых пакетов. Когда пришел Умар, передала это все его жене. Вдруг подойдет и понравится.

Примерно через неделю Даша выскочила в ближайший магазин за продуктами и сразу наткнулась на Зою с детьми. Они при полном параде куда-то быстро шествовали, как разноцветный передовой отряд пестрой армии с коляской наперевес. Да, с коляской, хотя подросшая младшая Нина уже давно уверенно топала на своих ножках, а старшая Таня выглядела как младшешкольник. Ей на самом деле, наверное, осенью идти в школу.

Зоя радостно приветствовала Дашу, начала взахлеб благодарить за красивые наряды. Все подошло отлично.

– Даша, сегодня праздник. Я прошу тебя, подожди здесь. А я быстро метнусь домой, хочу тебе тоже сделать маленький подарок. Ну пожалуйста, постой с девочками.

Даша никогда не была в курсе праздников, но, разумеется, осталась с детьми. Как получилось, пообщалась с ними. Они хорошо говорили и понимали по-русски, но это были очень серьезные, молчаливые дети. Наверное, в отца.

И такая деталь: Даша подняла руку, чтобы поправить сползший бант на голове маленькой Нины, и вдруг старшая Таня стремительно прижала сестру к себе.

Даша поймала два горячих темных взгляда – настороженный Тани, растерянный и вопрошательный Нины. Она быстро опустила руку и сделала шаг назад.

Тут выбежала из подъезда Зоя. В двух руках она несла по несколько ярких, блестящих подарочных пакетов. Даша была удивлена и растрогана таким вниманием. Она поблагодарила, погладила Зою по плечу, заглянула в ее искрящиеся радостью глаза. Еще одно достоинство у не очень умной, но доброй женщины. Она щедрая и благодарная.

Дома Даша сложила дары Зои на столике в прихожей, занималась своими делами. Через пару часов вспомнила о них, принесла на свой письменный стол, стала вынимать содержимое подарочных пакетов и внимательно разглядывать. Что это?

Перед Дашей лежали упаковки очень дорогих фирменных кремов, духов, мыла, другой парфюмерии. Подарочные пакеты с элитным кофе, такие же коробки шоколадных конфет.

Даша рассматривала на каждой упаковке название французских, итальянских фирм под лупой: не подделка ли. Есть ведь, наверное, и сейчас в Москве черные рынки с фальшивой и дешевой продукцией. Но нет: все было откровенно подлинным, да и запах, консистенцию большинства кремов и духов, кофе Даша хорошо знала. Надо сказать, нечасто она это себе покупала. Упаковки были стандартными и подарочными, то есть маленькими. В небольших специальных упаковках и в ярких блестящих фирменных пакетах дарят наборы к праздникам в элитных магазинах обладателям своих карт. Это просто исключено, чтобы у Зои были карты всех этих салонов и чтобы она постоянно их посещала в разных местах Москвы.

Подарки клиентов Умара? Как-то тоже сомнительно. Люди делают ремонты, пользуются услугами отличного, но достаточно дешевого мастера. Они или их жены – сплошь светские дамы, которым некуда девать купленную впрок дороговую парфюмерию, запасы кофе и кон-

фет? Конечно же, нет. Или Зоя специально для Даши это все добывала от избытков непонятной благодарности?

На последний вопрос ответ нашелся в ближайшие дни. Зоя с детьми направлялись в детскую поликлинику, коляска перед ними была завалена именно такими пакетами – явно подарки врачам. То есть это система. Значит, есть ее основание.

Грозное облачко в мозгу Даши все тяжело и стало протекать каплями тревоги. Они будили потребность в каком-то действии. Неизвестно, как долго удавалось бы Даше отодвигать столь необъяснимую потребность по постороннему поводу, но все решила еще одна встреча.

Белым днем она торопилась к машине, чтобы ехать в редакцию, но прямо у своего подъезда налетела на незнакомую даму. Та остановилась, поздоровалась, и Даша с изумлением узнала Зою. Она была в тонком черном пальто в облик, значительно выше колен, в черных чулках и туфлях на очень высокой танкетке. Пальто украшал огромный воротник-шаль из натурального соболя. Да и лицо из серии: «Я не узнал вас в гриме». Нет, ничего вульгарного и особенно заметного. Просто тонкие, редкие волосы Зои вдруг окружили ее мелкое личико плотной, густой, шикарной волной, что говорит об искусном наращивании. Маленькие темные глазки оттеняли не прежние, почти незаметные щеточки ресниц, а темно-серые веера, и эти накладные ресницы – однозначно не синтетика. Тон, цвет и качество помады – все выдавало если не вкус, даже вовсе не вкус, а немалые деньги. Но самым неузнаваемым оказалось выражение лица: небрежная торопливая, дежурная улыбка: «Ах ты, но мне некогда».

Так Зоя и сказала:

– Я еду по делам.

– А с кем дети?

– С отцом.

Коротко, на ходу, как и требуется с соседкой, которая лезет не в свое дело.

Об обиде или раздражении, конечно, нет и речи. Просто Даша приблизилась в очередном вопросе к моменту, когда требуется очень профессиональная и личная помощь. А это Слава, разработчик отдела расследований редакции, он же по великому совпадению и есть личная жизнь Даши.

В работе Славе не было цены. Чутье и чуткость трепетной преследуемой лани, терпение слона, хватка бультерьера по команде «фас», анализ эксперта и окончательный, безусловный вывод патологоанатома. Примерно такой же набор отличал и его отношение к женщине, имевшей счастье и беду быть им избранной, но это другой вопрос.

– Что мы имеем по факту? – спросил Слава.

– Адрес нашего дома, их номер подъезда и квартиры. Они там зарегистрированы, так что можно узнать фамилию и настоящие имена. Машины у них нет. Работает Умар и в нашем районе, и по всей Москве. Говорил, даже о Подмосковье. Есть их мобильные телефоны.

– Нормально, – сказал Слава. – Практически все, что нужно.

Пару недель Слава умудрялся не замечать Дашу, даже когда приезжал к ней ужинать и ночевать. Спал он мало, тревожно, вскакивал вдруг, разбуженный очередной догадкой, и бросился к компу. Но однажды вечером приехал в нормальном, даже расслабленном состоянии, положил перед нею папку и сказал:

– Здесь все. Дело настолько специфическое, что удалось получить поддержку служб. Следствие подключили, можно сказать, на готовенькое. Короче, мать, все уже в стремительном процессе. Людей берут, есть птицы достаточно высокого полета. Две депутатские неприкосновенности с минуты на минуту улетят, как с белых яблонь дым. Редактор тебя благодарит и ждет материал.

– Ты что! Я не знаю, о чем речь. Я вообще категорически против огласки чего бы то ни было. Это соседи, это судьба детей, это мой Умар.

– Я все это просчитал и объяснил. О том, чтобы указывать на семью, не может быть и речи. Все персональные данные скроем, замаскируем. А после предъявления обвинений остальным подозреваемым будем их светить. Тем более там нашлись другие эпизоды и пострадавшие. Ничего, что ты вступила со мной в полемику, не прочитай ни строчки?

– Я и не могу прочитать ни строчки, – беспомощно, в отчаянии произнесла Даша. – Я с этим точно не справлюсь. Я даже думаю, может, не надо было...

– Прочитаешь и поймешь, насколько надо. Даша, работай. И, как это для тебя характерно, ищи какой-то позитивный выход. Я, к примеру, кое-что уже посоветовал и нашел сочувствующих людей. Но мы пока ни о чем. Дать тебе выпить?

В папке расследования Славы было много сотен страниц.

Это была ночь страшного путешествия, крутого маршрута почти благополучной девушки с любовью к наивным и смешным сторонам жизни, с ласковым и солнечным детством там, позади, – по горящим углям, между языками пламени адского огня.

Даша обо всем этом, конечно, знала теоретически, отстраненно, так удаленно, насколько позволяла ей собственная самозащита. И вдруг... Это об этих детях, к которым она прикасалась, об этих глазах, которые так серьезно и вдумчиво смотрели. О нежных детских ротиках, которые были сознательно сжаты и готовы ценой собственных жизней хранить тайну преступления мамы. Дурочки, продававшей счастье, покой, здоровье и сон самых родных существ. Их синее небо, их яркое солнце, их траву, песок в песочнице, дни и ночи без страха и боли, легкое дыхание, какое отпущено людям только на первое, нежное время. Все в обмен на бумажки с водяными знаками, чертовы тряпки, побрякушки, дорогую, нелепую дрянь, которая еще никого не сделала ни счастливее, ни красивее, ни просто похожим на человека, если вместо души грязная потасканная ветошь.

Да, незаметная мигрантка влетела в столице большой страны прямо в логово самых махровых, циничных и жестоких извращенцев-педофилов. Есть, видимо, неотвратимая логика судеб, по которой любая жаба найдет самую густую и зловонную тину. Уровень алчности «доброй дурочки» Зои снял все остальные вопросы. Она была обладательницей очень дорогого товара многоразового использования. У нее быстро появились замашки опытного менеджера. У Зои обнаружили валютные и рублевые счета, карты разных банков и да, карты тех салонов, в которых она покупала всю эту дребедень чуть ли не оптом, как голодный в мясном ряду базара, а подарки дарила знакомым.

А началось все с того, что странная пара из другого города сняла квартиру на площадке рядом с семьей Умара. Стали приглашать Зою с детьми, угощать, одаривать, приучать к дорогим подаркам. Потом познакомили еще с одним добрым дядей в Дашином же доме. Тот самый подъезд, у которого она их встретила ночью. Карта квартир и домов взрослых «друзей» матери и маленьких дочек охватывала и разные районы Москвы, и Подмоскovie. Именно там, в особняках, были те, с депутатской неприкосновенностью.

Слава проявил по отношению к Даше чуткость, на какую она даже не рассчитывала. Она читала эти материалы уже после того, как детей увезли в реабилитационный центр, а Зою вывели и посадили в полицейскую машину.

Даша не видела этой сцены разлуки. Она внимательно изучила все медицинские заключения обследования Тани и Нины. Она просмотрела, сколько вынесла, видеоролики по ссылкам, которые прислал Слава на ее ноутбук. Это уже из закрытых навсегда источников – только как материалы следствия.

Даша никогда и никому не расскажет то, что прочтала и увидела. Она и в материале скажет обо всем, через что проходили дети, не выдав ни единой крошечной детали, но так, чтобы у всех женщин, которые это прочтут, запеклись сердца, а у мужчин окаменели кулаки. Чтобы они ходили по улицам, вглядываясь в каждое лицо, говорили с людьми и анализировали

каждый взгляд. Чтобы всех подозревали, а потом радовались, что ошиблись. Иначе никому и никогда не уберечь от липкой беды ни своих, ни чужих детей.

Даша никому не расскажет, но она не забудет ни слова, ни кадра. Она все сохранит, как собственный тяжкий опыт, как результат той грозы, которая родилась из маленького темного облачка в ее сознании. Чтобы помнить, чтобы всегда узнавать, чтобы пытаться успеть.

В документах Таня и Нина были жертвами по одному эпизоду, а таких жертв много. Потому речь об очень больших сроках, скорее всего. Но не стоит строить иллюзии: кого-то отмажут братья по разуму, которые остались на свободе и при власти.

Умар пришел к Даше, когда с помощью Славы его уже взяли в штат известной ремонтной фирмы, был стремительно оформлен развод по оперативным материалам об уголовном деле против жены. И решался вопрос с лишением ее родительских прав и его исключительной опеке. Для ухода за детьми приехала его мать.

Он пришел не для работы. Просто поговорить. Так это называлось: он сидел в кухне над чашкой с кофе, курил, спросив у Даши разрешение, и молчал.

Даша смотрела в его узкое, белое лицо с черными глазами-вопросами, и сама не находила слов. Когда вставала и разглядывала его в профиль, ей казалось, что она видит тонкую пунктирную линию, настолько он стал худым.

– Ты что-то вообще ешь? – спросила она.

– Да. Мало. Три раза в день кашу завариваю из пакетов. У меня язва, может открываться. Потому и не хочу.

Елки-моталки, язва открывается. А Зоя готовила только шашлыки, манты, жирные пловы. Даша все это видела в судках, которые она ставила на сетку под коляску, чтобы на улице кормить детей. Дома с ней и детям было тошно. Но это, разумеется, самый простительный недостаток.

Они просидели в таком траурном безмолвии больше часа. И наконец он сформулировал свой вопрос:

– Скажи, Даша, что со мной не так? Я хотел простую добрую женщину. Чтобы она любила и жалела моих детей, чтобы дома было чисто, спокойно, хорошо. И столько лет, и я ничего не видел. Как мне теперь верить самому себе? Как смотреть детям в глаза?

– Смотри прямо и уверенно им в глаза, Умар. Просто потому, что им это нужно. А что с тобой не так, я скажу. Ты высушил себя до состояния листка из гербария. Ты отказал себе во всех человеческих слабостях, включая еду, сон, отдых, право на боль и жалость, оставил как функцию лишь способность работать. Так ты понимал ответственность перед близкими. А такое существование – не могу сказать слово «жизнь» – возможно лишь при слепом доверии. Ты доверил Зое даже свою любовь к детям. Свою! А это нельзя никому доверять. Настоящая жизнь, полное общение, понимание друг друга – все это как раз и состоит из ценности того, что ты считаешь слабостями. Ты понял, о чем я?

Умар очень долго молчал. Потом встал и сказал:

– Я понял.

Зою по решению суда экстрадировали на родину, ее работодатели и сообщники были признаны виновными в тяжких преступлениях по статьям 134, 135 и 242 – насильственные сексуальные действия по отношению к несовершеннолетним, создание и распространение детской порнографии.

Прошло время, Даша встречала Умара с детьми, иногда с его мамой. Девочки выглядели ухоженными, стали улыбаться. Таня уже ходила в школу. Прежним осталось это: она делала движение к младшей сестре, как только к той кто-то приближался.

Иногда Умар приходил к Даше делать свою работу.

На вопрос: как у вас дела? – отвечал неизменно:

– Хорошо. Все очень хорошо. Таня получает пятерки.

Выглядел он гораздо лучше на маминой кормежке. Но однажды пришел просто так и был очень встревожен:

– Зоя позвонила. Она хочет приехать, взять какие-то вещи. Что делать?

– Есть куда отправить на это время девочек с мамой?

– Есть. Родственники в Подмоскowie.

– Сделай это. Сам посмотришь, можно ли ей уже повидаться с детьми. Опеке этот вопрос не доверяй.

– Хорошо.

В назначенный Зоей день Даша работала дома и раз пять бегала за каждой ерундой отдельно в ближайший магазин. И разумеется, она увидела Зою. У их подъезда остановился массивный черный джип с характерными прибабасами, как у «крутых». Из него вышел толстый человек с золотыми печатками на пальцах и помог выйти женщине, тоже расплывшейся, в ярком платье, в жемчуге и золоте, с густо намазанным лицом. С него смотрели маленькие глазки «дурочки» Зои. Она увидела Дашу, задержалась, уставилась на нее ненавидящим и презрительным взглядом.

– Здравствуй, Зоя, – произнесла Даша. – Рада, что у тебя все в порядке.

– А пошла ты, – взвизгнула Зоя голосом, какого никогда не было у милой дурочки.

Каждая жаба не просто найдет свою тину, но и заговорит голосом, который ее выдаст с потрохами, когда сползет чешуя лживой доброты и приветливости.

– С удовольствием, – улыбнулась Даша. – С огромным удовольствием ухажу подальше от тебя, Зоя. Ты выглядишь сейчас именно так, как заслужила.

Даша была довольна. Не зря она целый день охотилась за этим зрелищем. Нужно было снять последнее сомнение. Она боялась увидеть страдающую, убитую виной и горем мать. Там не было никого, похожего на мать.

Сиделка

Алевтина была человеком, неприятным во всех отношениях. На этом тему можно было бы и закрыть. Для Надежды, дамы общительной, но крайне избирательной, это значило только одно: доброе поверхностное общение и полный внутренний игнор.

Они встречались между своими дворами иногда не один раз в день, потому что у обеих были собаки. Надя издалека готовила самую дежурную свою улыбку, яркие голубые глаза ее никогда не подводили: они смотрели на любого собеседника искренне и участливо, что бы ни испытывала их владелица к разным людям.

«Привет, дорогая. Как дела? Как ты изумительно выглядишь», – звучало всегда тепло и свежо, за что Надю все и любили.

А правая нога уже делала шаг вперед, чтобы Аля успела только поздороваться, а ее нескончаемое нытье про здоровье, про сплошные неприятности и сплетни злых соседей уже не догоняло Надю.

Это никого не обижало: все знали, что Надя очень занятой человек, несмотря на то что она домохозяйка. Но она считала своим долгом поставить на высокий профессиональный уровень заботу о доме, о своем очень умном, молчаливом муже с какой-то секретной работой, взрослом сыне, которому при такой маме вовсе не хотелось быть взрослым, и, конечно, о крупной, меховой и белой собаке Машке, самом благодарном члене Надиной семьи. С красивой Машкиной морды не сходила счастливая собачья улыбка.

Вот тут и была зацепка, помеха, которая мешала Надежде легко проскочить контакт с недоброй, скрытной, часто откровенно лживой Алевтиной. Проще всего было не замечать вечные дразги Али с другими людьми, поминальник ее диковинных, не существующих в природе болезней. Но невозможно отмахнуться от печальной участи ее собаки Динки. Можно далеко отодвинуться от очевидности, но внутри себя такую тему не закроешь. Плохо живется собаке рядом с человеком, который может думать только о себе, о том, как покормить себя, полечить, порадовать, а на собаку жалко не то что лишнюю копейку потратить, взгляда и слова нормального жалко.

Все знали, что Алевтина просто загоняла Динку под диван, чтобы не тревожила, где та и проводила свои такие одинокие и такие тяжелые дни и ночи. Только ради Динки Надя иногда и вступала с ее хозяйкой в подробный разговор, который быстро перерастал в полемику, а обрывался за секунду до откровенных обличений, обвинений, окончательного Надиного приговора вредной и подлой сути Алевтины.

Все это Надя договаривала уже про себя, на ходу, иногда сдерживая злые слезы.

Говорила себе: «Надо что-то делать», и понимала, что это тот случай, когда что-то изменить невозможно. Алевтина была человек-кремень. Такой черствый, непрошибаемый и тупой кремень. Так Надя и пробегала мимо нее, как мимо кирпича, с которым необходимо здороваться, но всегда оставалась царапинка в душе, оставленная темным и тоскливым взглядом Динки.

Казалось, такое положение вещей может длиться сколь угодно долго. Надя крепко держала свой дом и благополучие близких. А у Али все не менее крепко держалось на деньгах дочери, настоящей американской миллионерши. И вдруг, после одного нелепого, почти смешного случая события понеслись стремительно, как лифт, сорвавшись с тормозов, летит в шахту.

А случай был такой. Алевтина с собакой пришла на площадку нормальным шагом, а на обратном пути пожаловалась соседке, что ей стало страшно ходить. На следующий день она вдруг засемила меленькими шажками, иногда задумываясь, как будто вспоминала, как это вообще делалось. Сначала все, включая ее бесконечных врачей, решили, что речь об очередной симуляции.

Потом шутить расхотелось. Болезни не находили, а человек переставал ходить.

«А у человека собака», – застучала мысль в голове Нади.

«Давайте что-то делать», – хватала Надя знакомых.

– А что тут можно сделать? Это же Алевтина, ты же ее знаешь. Она просто жалуется всем, а с любой помощью грубо пошлет. Она же никому не доверяет.

Так примерно все и реагировали на призывы Нади, и это была не черствость, а беспощадная правда. Так примерно и вышло, когда Аля стала падать рядом со своим подъездом, соседка ее подхватила, привела вместе с собакой к квартире, хотела войти, помочь, вызвать «Скорую», но у Али хватило сил ее вытолкать и действительно послать. Никто на этот раз не обиделся, нашли телефон родственника Алевтины, который приехал с ключом от квартиры.

Алю увезли на «Скорой» в больницу, через день прилетела ее дочь, сказала соседям, что мать не ходит и не говорит, что у нее, видимо, инсульт.

Столько новых условий появилось в проблеме, которая в мозгу Нади значилась под названием «Динка», что Надя по своему обыкновению стала отслеживать ситуацию профессионально. Да, ее по-прежнему больше беспокоила судьба собаки.

Алевтине помогают врачи, а еще больше деньги дочери, ее присутствие. Динка совсем никому не нужна.

Надя взяла телефоны соседей Алевтины и на прогулках со своей Машкой стала занимать такие позиции, с которых видно и слышно по максимуму много. Она сделала даже следующий шаг: из числа соседей вычислила тех, кто живет в доме давно и знает дочь Инну с детских лет, и вышла с ними на связь. Она давала свои координаты и просила передать, что готова принять участие в судьбе собаки. Ей можно найти других хозяев, можно организовать прогулки и даже кормление Динки с местными собачниками по очереди.

Дочь оказалась достойной своей матери: Надины предложения либо отвергались, либо игнорировались. Короче, культурнее, чем мама, но посылала. Надя и не думала ни обижаться, ни оставлять своих попыток.

Надежде, с ее упорядоченной семейной жизнью, с ясными и честными отношениями с близкими, было трудно себе представить, как причудливо могут выстраиваться события за кулисами жизни другой, качественно чужой.

Развитие истории Алевтины Надя, как источник, получающий информацию из самых первых рук, обсуждала с остальными заинтересованными знакомыми возбужденно, страстно, с массой догадок и предположений. И вся эта искренняя озабоченность временами прорывалась приступами нервного смеха, Надя было очень смешливой, а это все ни на что не похоже. Какой-то трагифарс, как ни крути.

Инсульта у Али не было. Она заговорила – нормально, ясно, без всяких потерь, но вставать отказывалась. От них с дочерью потребовали освободить место. И так в трех больницах, не самых плохих.

Пикантность была еще в том, что у такой вроде бы тяжелой больной не нашли совершенно никаких болезней, даже возрастных проблем. И обсуждать это не приходилось, потому что Инна за немалые деньги привозила всех возможных консультантов. Наконец было найдено решение, лучше не придумаешь, тем более дочери нужно было улетать к своей работе и семье.

К Але наняли постоянную круглосуточную сиделку, вместе они переехали в отличный и элитный оздоровительный центр, где их поселили в прекрасном, большом номере и создали индивидуальную программу восстановления.

Дочь убедилась, что персонал умело уговаривает мать делать гимнастику, водят ее в тренажерный зал и бассейн, и улетела с чистой совестью.

Примерно через месяц Алевтина с сиделкой вернулись домой. Надя узнала от соседей, что в обязанности сиделки входит и уход за собакой, и с удовольствием подумала, что наконец закроет чужую и какую-то нездоровую тему.

Она даже для полноты позитива рассказывала знакомым, что все наладилось, что так даже лучше.

Профессиональная сиделка должна обладать, кроме навыков и знаний, необходимым запасом милосердия, наверняка в агентствах их строго отбирают. Она составит Алевтине компанию, будет заставлять ее ходить, заниматься физкультурой, у той не останется времени и желания для того, чтобы искать у себя симптомы несуществующих болезней. И разумеется, добрый, умелый человек полюбит и Динку. Как ее не полюбить: она такая нежная и робкая, у нее такой говорящий взгляд. А денег Инна присылает столько, что они все могут жить не тужить.

Прелестная история у Нади получилась, она сама в нее поверила, все были рады и довольны. Но вот дурацкий характер, этот ее профессиональный подход ко всему... Это все постоянно требовало: проверить и убедиться. В любой мелочи. А тут все же не мелочь, а две жизни. И никак не отмахнешься от того обстоятельства, что Алевтина не появляется на улице уже четвертый месяц. Она же после стольких обследований признана врачами практически здоровой. Да, конечно, нужно учитывать последствия стресса, странный психоз со страхом ходить, даже симуляцию следует учитывать. Это тоже в какой-то степени болезнь. Но она занималась в оздоровительном центре в тренажерном зале, плавала в бассейне!

Короче, Надежда после довольно большого перерыва вернулась на наблюдательный пункт у дома Алевтины. Она хотела увидеть сиделку своими глазами, посмотреть, как та общается с собакой, в идеале получить полную информацию обо всем в целом. И тогда точно закрыть тему.

Получилось, конечно. Из подъезда однажды выбежала Динка. За ней шла коренастая женщина с мобильным телефоном, прижатым к уху. У женщины было круглое лицо, расслабленная и в то же время уверенная походка крепкого, устойчивого человека, который привык к большим физическим нагрузкам.

«Это хорошо», – задумчиво сказала Надя собственной бдительности.

Она двадцать минут ждала, пока женщина закончит разговор. За это время Динка успела присесть под кустиком, и они вдвоем направились к подъезду. Телефонный разговор продолжался.

Надежда вернулась домой, там сидел ее муж, которому так редко удавалось вырваться днем, чтобы поесть нормальной еды. У него было расстроенное лицо. Надя резко себя возненавидела за любопытство и ненужную активность, бросилась разогревать суп и котлеты.

Гена таких не найдет ни в одной столовой на свете. Ни в одном самом лучшем ресторане. Понимание последнего факта успокоило обоих. Как это хорошо – посидеть, помолчать вдвоем среди рабочего будня с человеком, который кажется по-прежнему самым умным и красивым с тех самых пор... С тех школьных, сумасшедших пор. При всей своей любви к сыну Надя и Геннадий как будто вернулись друг к другу после долгой, условной, пунктирной разлуки, когда купили сыну отдельную квартиру. А уж сын как рад. При всей любви к ним.

Только к ночи Надя позволила себе заметить одну царапинку в сознании. Эта сиделка ни разу не взглянула на Динку во время своей телефонной трескотни. Царапина давала о себе знать сначала легким зудом, к утру противно заныла. Уснуть так и не удалось.

Надя потратила вдвое больше времени, чтобы приготовить Гене завтрак. Насыщая бывший примитивный омлет большим количеством в малых дозах всех любимых мужем продуктов, она хитрила сама с собой. Конечно, все дело в ее постоянной, временами нестерпимой любви к Геннадию, а не в том, что она неотвратимо залипает в чужую, неприятную, совершенно не нужную для них ситуацию. Если не сказать, вредную.

Гена позавтракал, даже не похвалил, а просто взглянул на жену тем теплым, окрашенным доброй иронией взглядом, который говорил ей больше всяких слов. Сейчас он сказал: «Ты та самая смешная девочка, которая тайком подкладывала мне свое яблоко и конфету в четвертом

классе. Ты та красавица, которую я однажды увидел со стороны и уже ни с кем не мог сравнить, ни с одной звездой Голливуда. Ты моя милая, наивная жена, которая никогда и ничего не сможет от меня скрыть. Ни обиды, ни тревоги, ни ревности, ни приступов вот такой нежности».

Гена молча все сказал, Надя в ответ крепче обычного прижалась к нему, прощаясь в прихожей. Закрыла за ним дверь, внимательно посмотрела на свое отражение в зеркало. Она почти не тратила время и деньги на уход за своей внешностью, которая вовсе не была ей безразлична.

Да, они появились, причем довольно давно – тонкие морщинки на лице, серебряные волоски в по-прежнему пышной копне волос пшеничного, естественного цвета. И пусть кто угодно думает о ней что угодно, Надя видит в зеркале стройную и яркую блондинку с голубыми, ясными глазами, которую любит Гена. Она смотрит на себя его глазами, а они такие честные, такие пронизательные и умные, что не соврут. А насколько Гена выделяется на фоне всего остального мужского племени, – это признает любая женщина, Надя не сомневается. И если совсем уже честно, симпатичный сын Славик отцу внешне в подметки не годится. При всей своей молодости и накачанных мускулах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.